

Л.С.Ильяшенко в роли блоковской Незнакомки. Студия В.С.Мейерхольда, спектакль в зале Тенишевского училища, премьера 4 апреля 1914 г.

лично знавшим Блока, Гумилева, Маяковского.

Лидия Степановна приняла меня настороженно, долго расспрашивала, а я разглядывала фотографии на стенах ее квартиры. Особенно мне понравилась фотография Лидии Степановны в роли Незнакомки в той самой нашумевшей постановке 1914 года.

Мы почти не говорили о спектакле, который принес ей известность

такл", — и разогревала уют... Ее часто спрашивали: "Неужели вам была безразлична влюбленность Блока?" Она отвечала: "Нет, я любила его, когда читала письма, стихи, но когда он бывал задумчив..." — и, не договорив, умолкала...

— Лидия Степановна, почему вы решили стать актрисой?

— Я была сиротой и воспитывалась у тетки по маминой линии — с ранних лет, а летом ездила к папиной тетке в

ред ним на колени! Я, испугавшись еще больше, бросилась вон из комнаты, но увидела зрителя музея и остановилась. Следом вышел Гумилев и тихо сказал: "Жаль, что вы не встали перед ним на колени, — это был бы сюжет для небольшого рассказа"...

Потом мы долгое время не виделись и встретились — случайно — только в 1915 или 1916 году в Петрограде, уже в военное время. Я ехала

молчали, пораженные его способностью читать наши мысли, потом стали просить его зайти к нам. Он отказался: "Приглашали и господа познатнее", — и денег за проезд не взял...

Я разделила судьбу моего поколения, мы ушли со сцены... В этом я не одинока. Здесь, в Ужгороде, прожил свои последние годы замечательный художник Адальберт Эрдели. Он не смог приспособиться к советской жизни, не хотел делать портреты доярок и партийцев. Работал дворником, писал портреты братьев по ремеслу, говорил только по-французски. Умер в нищете. Но нам не о чем жалеть — я жалею вас, нынешних молодых: мне кажется, сейчас скучно жить...

ОНА ОСТАЛАСЬ НЕЗНАКОМКОЙ

Двадцать лет тому назад: беседа с Ией Ильешенко (Лидией Панкратовой)

и стал ее звездным часом. А ее недоверие, как оказалось, имело причины: поговорив с ней совсем немного, я поняла, что передо мной человек, ни на йоту не изменивший своим взглядам, живший по законам давно ушедшей для России эпохи: все, что было связано с Советами, было для нее неприемлемым, и она не собиралась этого скрывать.

— Лидия Степановна, как вы оказались в Ужгороде? Вы же говорили, что после революции уехали?

— Я долго жила в Праге, а потом, еще перед Второй Мировой войной, переселилась в Ужгород — когда-то он принадлежал Австро-Венгрии, но с 1919 года отошел к Чехословакии. В 1946 году Закарпатье присоединили к СССР.

— Вы уже не играли на сцене?

— Нет, сцену я к тому времени оставила. Работала в Ужгородской филармонии. Конечно, мне было трудно: я принадлежу совсем к другому поколению. Никогда не забуду, как не могла добиться исполнения сцены из оперы Пуччини "Тоска" — местное партийное руководство неизменно прочитывало "Тоска" и говорило: "Нет, нам тоски не нужно..." Или когда я с осветителями сцены работала над планами для "Русалки" Даргомыжского, начальство удивлялось: "Что вы беспокоитесь — вот придет автор и решит"...

— Но вы же могли заняться литературным трудом — вы знали столько замечательных людей... Написать воспоминания...

— Когда-то литературовед и критик Александр Дейч, с которым я была знакома еще по Киеву, предложил мне написать статью о Блоке и молодежи нашего времени. Я написала, но Дейч сообщил мне, что публикация статьи возможна только с купюрами. Я на это не согласилась. Статья осталась в архиве Дейча, а я начала писать мемуары. На публикацию с купюрами я по-прежнему не согласна. Нет, так я не могу — сокращения, добавления разные...

Я писала о Блоке и Мейерхольде... Это главные люди моей творческой судьбы. У меня есть книга пьес Блока с его автографом — это моя реликвия... Жена Блока Любовь Дмитриевна занималась в студии Мейерхольда, она играла в старшей группе, или, как ее еще называли, "актерском классе", я — в группе "ядро". Так я вошла в дом Блоков. На вопрос Мейерхольда, кого бы он хотел видеть в роли Незнакомки, Александр Александрович назвал меня... Любовь Дмитриевна прошла со мной роль Незнакомки у них дома...

— А каким вам запомнился Блок?

— Меня, как исполнительницу роли Незнакомки, конечно, интересовали его отношения с актрисой Натальей Николаевной Волоховой, вдохновившей поэта на эту пьесу. Я ее хорошо знала: в блоковских стихах, посвященных ей, и в "Незнакомке" она расцвечена Блоком такими красками! В жизни же она все время стремилась вернуть его на землю. Поэт говорил: "Поэдем в снега!" — а она: "Мне надо платье погладить, у меня вечером спектакль".

Киев. Когда я училась во втором классе гимназии, меня, по моей горячей просьбе, моя кузина Вера взяла на гастрольные спектакли В.Ф.Комиссар-

В.С.Мейерхольд. 1932. Фото М.Нагельбуше.

жевой. Потом мы с кузиной пошли за кулисы, и Вера Федоровна меня поцеловала. Помню, что три дня, тайком от взрослых, я не умывалась, чтобы не "стереть" ее поцелуй. Тогда же решила, что буду актрисой, как Комиссаржевская.

Видела я Веру Федоровну на сцене и перед ее последней гастролью в Туркестан, перед ее внезапной смертью от оспы в Ташкенте. Особенно мне запомнились три пьесы из ее репертуара: "Огни Ивановой ночи" Зудермана, ибсеновская "Нора" и "Юдифь" Геббеля.

Мечта моя о театре могла так и остаться мечтой: по окончании гимназии тетки пытались устроить мою судьбу, и меня чуть не выдали замуж за одного адвоката, человека, как им казалось, подходящего, обеспеченного. Но я сбегала в Петербург к своему двоюродному брату Константину Арбашеву, историку и литератору. Он приютил меня, и тут, в Петербурге, мечта моя наконец воплотилась в жизнь: я поступила сначала в студию Незлобина, а потом меня пригласил к себе Мейерхольд.

Занятия у Мейерхольда — кажется, лучшее время моей жизни. Тогда он и его актеры очень увлекались биомеханикой, и он сам вел класс студии "Движение на сцене". Эти упражнения и этюды давно стали классикой, вошли в преподавание биомеханики. Даже когда наши пути разошлись — Мейерхольд остался служить Советам, — я следила за его судьбой.

— Вы были знакомы с Гумилевым?

— Познакомил меня с ним мой двоюродный брат Андрей Белый на одной из своих лекций в Петербурге. Гумилев всегда был строен, подтянут и оригинален — ездил в Африку охотиться... В Африке он был несколько раз, привез оттуда целую коллекцию африканских сувениров для Этнографического музея в Петербурге, их собирали в зале, названном "Комната Николая Гумилева". Один раз он пригласил меня посетить эту комнату. Божок с зелеными разводами-глазами очень напугал меня. Я сказала об этом Гумилеву. Тогда он, протянув руку вперед, воскликнул: "Встаньте пе-

на извозчике и попросила его остановиться, увидев Николая Степановича. Он был в военной форме, с георгиевским крестом. Для меня это было неожиданно: "Как, вы в военной форме?" — "А вы разве не знали, что я поэт и воин?" Тогда я не догадывалась, что это наша последняя встреча. Больше мы никогда не виделись. Однажды моя сестра спросила у Гумилева, почему так вышло. Он ответил: "Видите ли, мы с Лидией Степановной танцевали изысканный мунуэт, разошлись в одной фигуре и больше не встретились..."

Анна Андреевна Ахматова познакомила меня с Маяковским. Произошло это в клубе "Бродячая собака". Как-то, увидев меня, Анна Андреевна позвала: "Лилечка! Подойдите сюда! Поэт Володя Маяковский". Он пробасил: "Вы Лилия? Тогда садитесь!" С Володею Маяковским мы очень подружились, и он часто приходил ко мне. Как-то он сказал: "Знаете, почему я к вам прихожу? Я у вас отдыхаю". Однажды я решила спросить его: "Почему Вы любите Лилию Брик?" Многих удивляла эта его привязанность. Он ответил просто: "Знаете, есть вещи, которые люди делают некрасиво. Например, едят. А у нее все красиво получается". Действительно, она была необыкновенно женственная...

Однажды он позвонил мне по телефону и пригласил на поэтический вечер. Я долго не соглашалась: "Не хочу, если вы в желтой кофте!" Но он ответил: "Я знаю, как надо заезжать за дамами", — и повесил трубку. Вечером приходит совсем незнакомый — причесанный, в смокинге. Я не смогла скрыть удивления: "Володя, вы ли это?" Выходим на улицу, а у крыльца — рысак под сетью. Потом, уже в зале, мы шли по проходу к своим местам, а публика шептала: "Маяковский с Незнакомкой". Хорошо помню и прыжок Маяковского на сцену, когда объявила его выступление, и смех в зале. Я его тогда спрашивала: "Почему футуристы так себя ведут? Красками лица разрисовывают, и эта ваша морковка в петлице..." А он отвечал: "Вы думаете, легко читать стихи, когда тебя осмеивают? Так вот, это тренировка..."

— Лидия Степановна, неужели люди литературы и театра не чувствовали приближения катастрофы? Неужели семнадцатый год грянул для всех неожиданно?

— Конечно, было чувство тревоги, хотелось заглянуть в будущее. Наверное, поэтому все так увлекались спиритизмом, ясновидением — это увлечение охватило все слои общества. Мне запомнился такой случай. Мы ехали на вечер, темой его был диспут "Может ли быть человек подобен Иисусу Христу?". Ехали молча, и только позже я поняла, что извозчик везет нас к нужному дому, не спросив адреса. Вдруг он заговорил как бы сам с собою и сам себе отвечал: "Может ли быть простой человек быть министром?" — "Да." — "А царем?" — "Нет. Так и люди: министрами при Христе быть могут, а Христом — нет". Мы

Сомов. Портрет А.Блока. 1907.

Лидия Степановна просила меня не писать ничего о нашей беседе — она так надеялась

увидеть изданными свои мемуары, но и сегодня, двадцать лет спустя, ее воспоминания в свет не вышли: недавно в Книжной палате мне сообщили, что мемуары Лидии Степановны (Ии Ильешенко) пока не изданы ни в России, ни в бывших союзных республиках. Ничего не могли сказать о судьбе рукописей Лидии Степановны ни в рукописном отделе Театрального музея имени Бахрушина, ни в библиотеке Союза театральных деятелей, ни в музее-квартире Мейерхольда, ни в Театральной библиотеке. До самого последнего времени я даже не знала, как сложилась дальше ее жизнь. Я храню адрес, написанный рукой Лидии Степановны, с просьбой рассказать о театральной жизни Москвы, но писем-ответов от нее я не получила.

Лишь совсем недавно я получила долгожданный ответ из Ужгорода — мое письмо, затерявшись на почте, все-таки попало в семью Сабовых (соседей Л.С.Панкратовой по коммунальной квартире в 1945-1981 гг.). Из него я узнала, что в ноябре 1979 г. Лидия Степановна, поскольку ушла на улице, получила перелом шейки бедра. От операции врачи отказались, сославшись на возраст. В больнице ее подлечили, она смогла передвигаться по квартире на костылях. Видимо, еще больше Лидии Степановне помогли соседи — Мария Ивановна Сабова, ее дочь Вера и другие члены их семьи, которые обязательно приходили домой в обеденный перерыв, чтобы ее покормить.

Но потом случилось еще одно несчастье: Лидия Степановна, находясь дома одна, снова упала и сломала руку. Лечение в больнице не помогло: рука перестала слушаться, и теперь Лидию Степановну никак нельзя было оставлять одну без помощи на целый день. Соседи вызвали из Львова единственную близкую родственницу Лидии Степановны. Та хотела отдать ее сначала в Дом для престарелых актеров в Киеве, но потом они с Лидией Степановной остановились на доме для престарелых в соседнем городе Мукачеве. Удалось добиться, чтобы Лидии Степановне там выделили отдельную комнату. Сабовы и другие знакомые Лидии Степановны старались по возможности ее поддерживать в эти тяжелые дни, навещали. В Мукачево у нее были друзья, которые приходили к ней почти каждый день. Им Лидия Степановна доверяла все свои сбережения с условием, чтобы они за ней ухаживали, а потом похоронили.

Вера Сабова пишет, что до конца своих дней Лидия Панкратова сохраняла светлый ум, а скончалась через три или четыре года, на Пасху, кажется, в 1984 году.

ЕЛЕНА ЧЕРНОДУБРОВСКАЯ
Москва

Ильяшенко Ией (Панкратова Лидия)

03.01.99